Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 1 | ISSN: 2658-7734
Общетеоретические вопросы | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i1.622

Humanism and Overcoming Digital Alienation by Russian Teenagers and Young People

Sergey Tkach[1], **Victoriia V. Nechaeva**[2], & **Daria V. Ulbasheva**[3]

Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

Received: 27 March 2025 | Revised: 29 June 2025 | Accepted: 7 July 2025

Abstract

Modern authors, including D. Ivanov, Yu. Asochakov, S. Dudnik, note the emergence of a new form of alienation — digital alienation. This form is characterized by individualization of experience and the search for ways to overcome alienation, the determination of communication through digital interfaces, and the absence of collective forms of resistance. Despite the extensive body of work devoted to the problem of digital alienation, this topic remains poorly studied in relation to adolescents and young people. Hence, the goal of the study is to describe the construction of digital alienation through digital practices and practices of overcoming it by adolescents and young people. According to the results of the study, one of the main mechanisms for the formation of digital alienation by adolescents is the mediation of communication through digital interfaces, which creates an unstable communication format. Discipline and supervision, implemented through the notification system of programs on digital devices, also make a significant contribution. The stability of the alienation being formed is due to the perception of digital devices as organically necessary for communication, like one's own body. Adolescents most often overcome alienation by shifting their focus from mediated digital communication to face-to-face interpersonal communication, as well as by refusing notifications or using certain apps. Such practices contribute to the attainment of freedom from interfaces, that is, the attainment of humanism in existential terminology. This article is aimed at researchers in the field of digital alienation, as well as practitioners working with at-risk adolescents, since alienation is a significant risk factor for delinquent behavior.

Keywords

Digital Alienation; Sabotage; Digital Algorithms; Surveillance; Control; Overcoming Alienation; Critical Theory; Adolescents; Young People; Disciplining; Digital Interfaces

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

1 Email: s.tkach[at]spbu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-5016-9187
2 Email: st097108[at]student.spbu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0000-2390-8511
3 Email: st097037[at]student.spbu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0007-0336-1150

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 1 | ISSN: 2658-7734
General Theory | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i1.622

Гуманизм и преодоление цифрового отчуждения российскими подростками и молодежью

Ткач Сергей[1], **Нечаева Виктория Владимировна**[2], **Ульбашева Дарья Владимировна**[3]

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

Рукопись получена: 27 марта 2025 | Пересмотрена: 29 июня 2025 | Принята: 7 июля 2025

Аннотация

Современные авторы, среди которых Д. Иванов, Ю. Асочаков, С. Дудник, констатируют становление новой формы отчуждения — цифрового отчуждения. Данная форма характеризуется индивидуализацией переживания и поиска путей преодоления отчуждения, обусловленностью общением через цифровые интерфейсы, отсутствием коллективных форм сопротивления. Несмотря на обширный корпус работ, посвященных проблеме цифрового отчуждения, данная тематика остаётся слабо изученной в отношении подростков и молодежи. Отсюда цель исследования — описать конструирование цифрового отчуждения через цифровые практики и техники его преодоления подростками и молодежью. Согласно результатам исследования, один из основных механизмов формирования цифрового отчуждения подростками — опосредование общения цифровыми интерфейсами, создающее нестабильный формат коммуникации. Значимый вклад оказывает также дисциплинирование и надзор, реализуемый посредством системы уведомлений программ на цифровых устройствах. Устойчивость формируемого отчуждения обусловлена восприятием цифровых устройств как органически необходимых для общения, подобно собственному телу. Преодоление отчуждения подростками чаще всего происходит через смещение фокуса от опосредованной цифровой коммуникации к живому межличностному общению, а также через отказ от уведомлений или использования отдельных приложений. Такие практики способствуют освобождению от интерфейсов, то есть обретению гуманизма в экзистенциальной терминологии. Данная статья ориентирована на исследователей в области цифрового отчуждения, а также на специалистов-практиков, работающих с подростками групп-риска, поскольку отчуждение является значимым фактором риска делинквентного поведения.

Ключевые слова

цифровое отчуждение; саботаж; цифровые алгоритмы; слежка; контроль; преодоление отчуждения; критическая теория; подростки; молодежь; дисциплинирование; цифровые интерфейсы

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0

1 Email: s.tkach[at]spbu.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-5016-9187
2 Email: st097108[at]student.spbu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0000-2390-8511
3 Email: st097037[at]student.spbu.ru ORCID https://orcid.org/0009-0007-0336-1150

Введение

Проблема отчуждения и его преодоления несколько раз становились центром дискуссии в науках об обществе в XIX—XX веках, как об этом пишет М. Мусто (2010, с. 79). Первую итерацию связывают с публикацией работ К. Маркса об отчуждении труда: «Товарный фетишизм и его тайна» (1960), «Наемный труд и капитал» (1894) и др. Маркс понимал отчуждение как «такие общественные отношения и такой способ восприятия мира, при которых человек становится отстраненным от самого себя» (Ахметзянова, 2018, с. 63). Видя отчуждение как производное от процесса труда, в который оказывается вовлечен человек в условиях капиталистических отношений, отчуждение у Маркса включало в себя четыре элемента: отчуждение человека от человека, отчуждение человека от своей природы, отчуждение человека от процесса труда и от продукта труда (Aron, 1955).

Ряд авторов (в частности М. Мусто (2010), С. Бахитов (2013)), рассматривают интерес классиков социологии (М. Вебера, Э. Дюркгейма) к теме отчуждения именно в контексте их переосмысления и критики позиции Маркса. Вебер полагает под отчуждением редукцию человека к его производственной и бюрократической функции в условиях все более регламентированного и рационализированного общества (Бахитов, 2013). Дюркгейм видел отчуждение симптомом аномии – устройства общества в условиях смены представлений о должном (Sarfraz, 1997). Оба социолога старались отойти от трудоцентристского понимания отчуждения.

Вторая итерация интереса к проблеме отчуждения возникает в 1950-1960-е годы. Мусто связывает это с публикацией перевода «Экономико-философских рукописей 1844 года» Маркса (2023), который становится предметом для рефлексии ряда ведущих философов того времени (Х. Арендт, Э. Фромм и др.). В этот период авторы экзистенциализма, в частности Ж.-П. Сартр, дают авторскую интерпретацию отчуждения. Сартр понимает под отчуждением онтологическое состояние человека, в котором тот пребывает с рождения. А. Лессинг замечает, что в сартровском экзистенциализме отчуждение раскрывается через три ключевые категории: неотвратимая свобода, смерть, субъектность. Человек свободен в своих действиях и несет сам ответственность за их последствия, он не может их разделить с кем-либо еще, а потому отчужден в этом от других людей. Точно так же человек не может с кем-то разделить свою собственную смерть или свою личность (субъектность) (Lessing, 1976). Такое определение отчуждения позволяет разработать целостную теорию интерпретации личных психологических переживаний человека, о чем пишет Е. Шетулова, однако оно препятствует учету социальных факторов и пониманию отчуждения как социального явления (2013). На это же указывали и советские заочные оппоненты экзистенциалистов: Т. Ойзерман (1965), И. Нарский (1983), Э. Ильенков (1984) и др. Большее

внимание к социальному контексту можно обнаружить в работах авторов критической социальной теории, которых относят к числу постмарксистов: Э. Фромм, О. Негт, А. Клюге, Г. Маркузе и др. Основные изменения, привнесенные данными авторами в концепцию отчуждения в этот период, таковы: внимание к повседневности; понимание коммуникации как практики, конституирующей отчуждение; уход от труда как ключевой категории в пользу категорий потребления и надзора. Подробнее данные изменения будут рассмотрены ниже.

Новый виток интереса к проблеме отчуждения, как на это указывают Ю. Асочаков и Д. Иванов, приходит в современных работах с появлением цифрового отчуждения (2023). Цифровое отчуждение характеризуется индивидуализацией переживания отчуждения, опосредованием коммуникации цифровыми интерфейсами, ведущей ролью цифровой коммуникации и расщеплением физического и цифрового я. При наличии существенного объема работ, посвященных проблеме цифрового отчуждения (Лешкевич, 2019; Веселов & Скворцов, 2021; Жулего и др., 2019; Солдатова, Нестик & Рассказова, 2018), цифровому отчуждению подростков и ранней молодежи уделяется значительно меньше внимания исследователей. Оно заслуживает более детального рассмотрения, поскольку отчуждение подростков и молодежи обладает рядом самостоятельных отличительных черт, о чем пишут, хоть и в психологическом ключе, Т. Молодцова и С. Шалова: «Еще более остро оно [отчуждение] переживается детской психикой, когда еще полностью не сформированы убеждения и мировоззрение» (2019, с. 294). Проблема отчуждения подростков и молодежи требует особенного внимания ввиду социальных последствий для собственной жизни, резюмируют Молодцова и Шалова: «Эта проблема актуальна для подростков, т. к. у них идет самое интенсивное формирование модели социального поведения» (2010, с. 294). О. Попова видит в отчуждении подростков и молодежи фактор риска делинквентного поведения. Используя методику С. Мадди (который опирается на Э. Фромма в понимании отчуждения) в адаптации Е. Осина, Попова демонстрирует, что у подростков и молодежи группы делинквентного поведения статистически значимо выше уровни отчуждения от себя, от членов семьи, от учебной деятельности, от других людей и от общества в целом, в сравнении с нормотипичной группой (2010, с. 153). В. Беликов с соавторами также понимают проблему отчуждения как фактор риска отклоняющегося поведения и обнаруживают, что выводы о существовании такой связи справедливы и для цифрового отчуждения (2022). Более детального рассмотрения, замечают Беликов с соавторами, заслуживают практики преодоления цифрового отчуждения подростками и молодежью, а также выявление механизмов влияния цифровых практик на формирование отчуждения.

Цель статьи, отсюда, заключается в подробном описании практик формирования цифрового отчуждения подростков и молодежи, а также путей его преодоления.

Проблема отчуждения в критической теории

Детальное рассмотрение проблемы отчуждения стоит начать с работ авторов критической социальной теории, поскольку именно с их трудами связывается акцентирование внимания на вопросе вклада коммуникации в формирование отчуждения, актуального при рассмотрении цифрового отчуждения. В 1961 году Э. Фромм публикует работу «Марксова концепция человека», в которой реконцептуализирует идею отчуждения, привнеся в нее измерение гуманизма (1992). Категория гуманизма выступает для Фромма возможной точкой соприкосновения экзистенциального (индивидуального) уровня отчуждения и марксистского (социетального). Определение гуманизма в контексте рассматриваемой нами проблемы следует давать от обратного – через отрицание гуманизма эпохи Просвещения, как об этом пишет Ю. Беспечанский. Философы эпохи Просвещения отказываются от идеи предопределенности человеческой судьбы божественным вмешательством в пользу эссенциалистского взгляда на человека. Религиозная предопределенность, отсюда, сменяется природной. Человек начинает пониматься ведомым своими инстинктами, биологическими процессами в организме (2013). Фромм вслед за философами экзистенциализма, от которых он и заимствует концепт гуманизма, выступает категорически против. Гуманизм – это предоставление человеку свободы действовать по своей собственной воле. Именно такую идею Фромм обнаруживает у Маркса: «Маркс начинает с идеи о том, что человек – сам творец своей истории» (1992, с. 380). А отчуждение, под которым Фромм понимает «такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое» (1992, с. 101), оказывается следствием ограничений, накладываемых на человека. Преодоление отчуждения возможно через активную деятельную позицию, в которой человек ощущает собственную субъектность.

Г. Маркузе акцентирует внимание на социальном изменении, которое следует учитывать при анализе отчуждения. Речь идет про автоматизацию и опосредование повседневности людей машинами, которая оказывается еще сильнее подчинена институтам капитализма — среди них Маркузе упоминает и капиталистическое государство: «В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической организацией аппарата» (2003, с. 15).

Маркузе полагает важным обратить внимание на рационализацию и алгоритмизацию, как на новые современные ему процессы, которые способствуют усилению отчуждения. В своей аргументации Маркузе обращается к монографии по истории и эпистемологии науки П. Бриджмена, где изложен сюжет о трансформации понимания длины в физике. Бриджмен констатирует кризис

абстрактных дедуктивных определений и показывает, что в современной физике длина начинает определяться как результат операции измерения (1928). Маркузе видит в этом редукцию категории абстрактного в целом к наблюдаемому и измеримому. Отсюда, полагает он, идеализм уступает позиции бихевиоризма в общественных науках, а изучение человека и общества редуцируется до повышения точности фиксации наблюдаемого поведения (2003, с. 10-21). Эта рационализация, видит Маркузе, не ограничивается эпистемологией науки, она образует логику интерпретации повседневности. Идеологии и религиозные учения уступают место капиталистической алгоритмизации (2003, с. 22–24). Если понимать под современными цифровыми алгоритмами социальных сетей частный случай капиталистических алгоритмов и проявление капиталистической рациональности, то Маркузе задолго до их появления понимает в них угрозу персональной свободе человека.

О. Негт и А. Клюге привносят в дискуссию об отчуждении тезисы о вкладе коммуникации в отчуждение. Совместная работа двух философов критической теории началась в 1962 году с обсуждения в «Группе 47» роли кинематографа и, более широко, массовой культуры в социальных изменениях и конструировании социального порядка (Langston, 2008). Ключевые монографии, в которых философы рассматривают тему отчуждения, таковы: «История и панегирик (нем. “Geschichte und Eigensinn”)» (2016), «Публичная сфера и опыт: к вопросу о буржуазной и пролетарской публичной сфере (анг. “Public Sphere and Experience: toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere”)» (1993). Вторая монография представляет собой развернутой критический ответ на диссертацию Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (Вербилович, 2013). В частности, критике подвергается идея коммуникативного действия и отсутствие должного внимания Хабермаса к существующим ограничениям, накладываемым на такое действие в условиях тотальности контроля агентов капиталистического дискурса над публичной сферой:

> «Утрата публичной сферы [...], а также ограниченный доступ рабочих в их существующих организациях к каналам коммуникации вскоре заставили нас задаться вопросом, могут ли существовать какие-либо эффективные формы контрпубличной сферы, противостоящие буржуазной публичной сфере» (перевод — авт.) (Negt & Kluge, 1993, p. 41).

Из тезиса Негта и Клюге проистекают два важных следствия: (1) отчуждение происходит через ограничение свободного коммуникативного акта и может быть, соответственно, преодолено через обретение свободы высказывания; (2) ограничения коммуникации носят тотальный характер из-за самого устройства публичной сферы, построенного в интересах доминирующей капиталистической парадигмы.

О специфике цифрового отчуждения

Возрождение интереса к проблеме отчуждения в настоящее время связано с необходимостью теоретической рефлексии нового явления — цифрового отчуждения. В условиях общества постмодерна отчуждение все больше требует осмысления не как объективный экономический процесс, а как переживаемое состояние человека: «[…]отчуждение есть аффект, и он встроен в комплекс аффектов, которые образуют ресентимент, или мстительную зависть, входящую в социально-психологическое основание борьбы масс за эмансипацию» (Микиртумов, с. 41–42). Этим же обусловливается индивидуализация переживания отчуждения людьми. Отечественные исследователи выделяют несколько процессов, которые стоят за формированием новой формы отчуждения. Е. Труфанова среди таких процессов видит расщепление целостной субъектности человека на виртуальную (отчуждаемую) и физическую субъектность:

> «В цифровых взаимодействиях происходит отчуждение зафиксированной цифровым образом информации о субъекте, и эти данные начинают жить своей независимой жизнью в цифровом мире. Часть информации отчуждается добровольно и осознанно, люди сами сообщают ее о себе, но часть попадает в цифровые архивы либо через третьи руки недобросовестным путем, либо человек передает ее Сети неосознанно, не предполагая, что ее будут собирать и хранить» (2024, с. 223).

В обозначенном Труфановой тезисе важно подчеркнуть его синонимичность тезису о сохранении субъектности в работе Фромма. Понимание себя как цельного и деятельного субъекта и Фроммом, и Труфановой связывается с преодолением отчуждения. Труфанова указывает на обретение власти алгоритмов и цифровых интерфейсов, которые самостоятельно могут принимать решение, какие данные сохранить о пользователе, и куда их передать. Общение онлайн отличается от оффлайн- общения возможностью конструировать новую идентичность, далекую от своей собственной. Это создает риски утраты субъектности, на что указывают Л. Шайгерова с соавторами, говоря об амбивалентных последствиях такой практики: «Экспериментирование с новыми идентичностями онлайн может оказывать стимулирующее влияние, способствующее более глубокому познанию себя и самораскрытию, но также приводить к отчуждению и изоляции» (2022, с. 95).

Беликов с соавторами связывают рост отчуждения с цифровым контролем. При этом их выводы справедливы применительно к подросткам и молодежи. Исследователи пишут: «[…] социум с помощью социальной сети, средств массовой информации, экономических инструментов заставляет подростка скрывать свое “Я”, делает свободу личности не просто иллюзорной, но и опасной для самого существования личности» (2022, с. 374). Т. Лешкевич полагает, что, кроме цифрового контроля, отчуждению способствует и сама форма цифрового общения, которая создает у пользователей иллюзию заме-

щения живого личностного общения: «Цифровое отчуждение обусловлено тем, что сетевые взаимодействия позиционируют себя как самодостаточный тип бытия, замещающий реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации» (2019, с. 137). Эти изменения требуют адекватной теоретической рефлексии и сонастройки концептуальных моделей, о чем пишут Д. Иванов и Ю. Асочаков: «[современные теории требуют] соединения новой концепции отчуждения, сфокусированной на виртуализации и алгоритмизации, с концепцией исторической динамики капитализма, движимого диалектикой господства и эмансипации» (2023, с. 12). Отечественные социологи замечают, что необходимо «[...] не да[ть] ей [теории отчуждения] выродиться в ритуальный аффирмативный дискурс» (2023, с. 12). Об опасности позитивных оценок пишет и С. Дудник, когда констатирует, что значительная часть современных теоретиков склонны приводить излишне оптимистичные прогнозы о последствиях цифровизации, не учитывая в должной мере феномен отчуждения (2020, с. 20).

Поскольку современные авторы связывают формирование отчуждения с практиками ограничения свободы, важно привнести в дискуссию о цифровом отчуждении концептуальное осмысление таких практик.

М. Фуко описывает в своих работах три сосуществующих механизма установления власти/ограничения свободы, из которых наиболее подходящим для анализа взаимоотношения подростков, молодежи и цифрового пространства является дисциплинарный механизм (2013). Классическими пространствами дисциплинирования Фуко называет тюрьмы, армии и монастыри: «Издавна существовали многочисленные дисциплинарные методы – в монастырях, армиях и ремесленных цехах» (Фуко, 2013, с. 163). Однако многие авторы рассматривают сквозь призму концепции дисциплины цифровые пространства (Capodivacca, Giacomini, 2024). Дисциплинарный механизм характеризуется своей направленностью на получение контроля над телом и временем индивида для извлечения той или иной выгоды (Платонова, 2022). Цифровые пространства, как и предполагается дисциплинарным механизмом власти, создаются с нуля, а их инфраструктура сконструирована таким образом, чтобы получать наибольшую выгоду от пользователей этих пространств. Выгодой в данном случае является прибыль от рекламы, продажи товаров, в том числе данных самого пользователя. Для получения наибольшей выгоды необходимо, чтобы пользователь как можно больше времени проводил в цифровых пространствах и регулярно в них возвращался.

В рамках дисциплины за индивидом закрепляется место, что в цифровых пространствах может считаться регистрацией пользовательского аккаунта, а также присуждением других знаков, отличающих одного пользователя для другого. На распределенном месте за индивидом осуществляется цифровой надзор, под которым понимаются как технологии сбора данных о пользователе, так и алгоритмы, призванные удерживать пользователя

в цифровом пространстве. Круговорот сбора информации, её последующего использования и повторного сбора на основе использования в рамках дисциплины описывается с помощью терминов познаваемого и полезного тел, где познаваемое тело — это модель, создаваемая с целью получить понимание, как наиболее эффективно получать пользу от индивида, а полезное тело — это модель, которая создается дисциплинарными механизмами (Фуко, 2013).

Другой важной в данном контексте техникой дисциплины является соединение тела индивида с инструментом. Инструментом в данном случае является любое устройство, позволяющее иметь доступ в Интернет. Устройство выступает проводником дисциплины для материального тела пользователя, по возможности контролируя его движения. Контроль может осуществляться при помощи таких технологий, как, например, всплывающие уведомления, направленные на удержание либо на возвращение внимания индивида на устройство и, как следствие, изменение положения его тела в пространстве (Кравченко, 2021). Таким образом, хотя цифровое отчуждение может не являться целью дисциплинарных механизмов, его можно назвать их результатом.

Практики преодоления цифрового отчуждения

Д. Иванов пишет о последовательном сокращении социальной группы, рассматриваемой левыми мыслителями в качестве основы революционного движения по преодолению отчуждения. В рамках первой итерации внимания социальных теоретиков к проблеме отчуждения (К. Маркс, М. Гесс и др.) революционная масса состояла из рабочих и их семей и оценивалась в десятки миллионов человек. В период второй итерации (Э. Фромм, Г. Маркузе и др.) надежды левых мыслителей возлагались на активистские группы (группы за устранение расовой дискриминации, экологические активисты и др.), а их объем мог быть оценен в сотни тысяч – миллионы человек. Третья итерация (Д. Берри, С. Дудник и др.) характеризуется надеждой на отдельных разрозненных индивидов, практики переживания и преодоления отчуждения которых будут разниться от одного человека к другому. (Иванов, 2023, с. 29) Иванов описывает их следующим образом: «Социальными партизанами (движения по преодолению отчуждения) становятся те относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют “малые исходы” в направлении поствиртуализации: [...] саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их» (2023, с. 30). Преодоление отчуждения, таким образом, связывается с саботажем – нарушением работы алгоритмов контроля и надзора над человеком, сбора информации, о которых пишет Труфанова (2024, с. 223).

Выборочная совокупность

Исследование проводилось с участием подростков и молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. Участниками исследования выступили городские жители, в первую очередь жители Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей (в том числе в Ленинградской области): коренными жителями Санкт-Петербурга были 11 информантов, Ленинградской области и ближайших пригородов Санкт-Петербурга – 3 информанта; приезжими в связи с различными жизненными обстоятельствами были 8 человек. Средний возраст составил 18 лет, 18 человек были женского пола, 4 человека – мужского; 11 человек обучались в высшем учебном заведении, 6 человек – в школе, 2 человека – в колледже; 7 человек работали и 15 человек не работали. Всего к участию в исследовании было привлечено 22 человека. Все участники выборочной совокупности ежедневно пользовались социальными сетями. В выборочной совокупности должны были быть представлены сценарии использования разных цифровых устройств: стационарного компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, умного телевизором. Каждое из устройств должно было присутствовать как минимум у одного участника выборочной совокупности. Для определения объема выборочной совокупности был использован метод насыщения. Рекрутирование информантов было прекращено исследовательской группой после обнаружения во время новых интервью ответов, повторяющих полученные в более ранних интервью.

Теоретическая модель

Цифровое отчуждение представляет собой переживаемое подростками и молодежью состояние, обусловленное опосредованностью общения цифровыми интерфейсами и устройствами, и ограничение его свободы посредством действий алгоритмов, а также надзора других пользователей. Под цифровыми интерфейсами будут пониматься пользовательские интерфейсы программного обеспечения, а под цифровыми устройствами – электронные устройства, на которых такое программное обеспечение может быть установлено (телефоны, планшеты, компьютеры, телевизоры и т.д.).

Резюмируя изложенные выше тезисы, можно обозначить основные контуры теоретической модели исследования.

Цифровые интерфейсы и другие пользователи дисциплинируют человека. Действия пользователей, направленные на подрыв и разрушение существующих алгоритмов надзора и организации общения, должны приводить к преодолению отчуждения и, соответственно, гуманизму, как состоянию свободы от существующих цифровых ограничений. Графически теоретическая модель может быть изображена следующим образом (Рисунок 1):

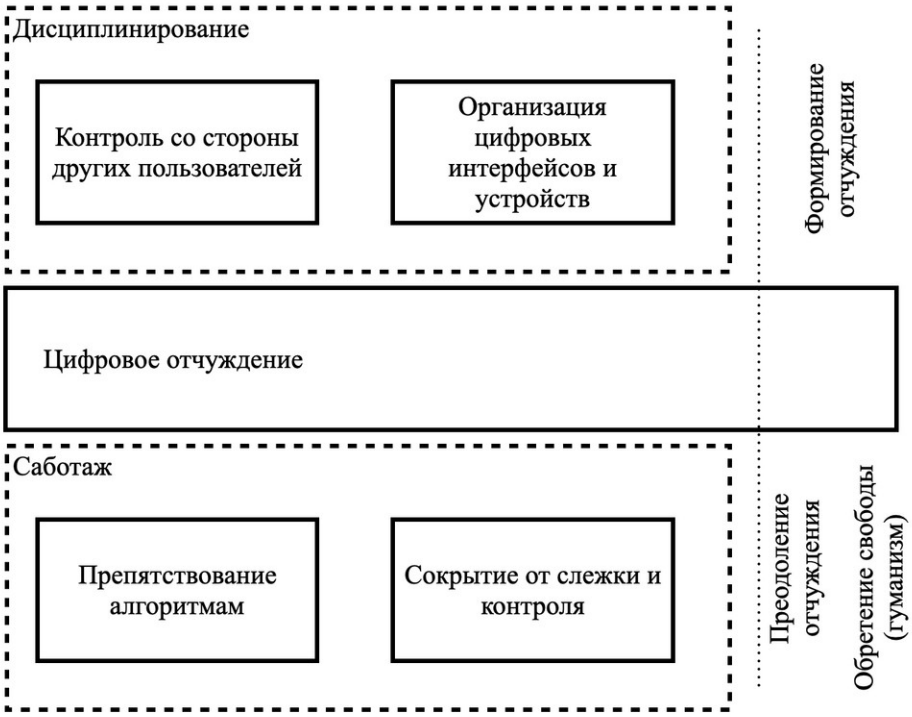

Рисунок 1. Теоретическая модель формирования и преодоления цифрового отчуждения

Figure 1. Theoretical model of the formation and overcoming of digital alienation

Методика исследования

С информантами были проведены интервью. Гайд интервью содержал следующие блоки: сведения информанта о себе; опыт использования социальных сетей; взаимодействие пользователя с цифровыми устройствами (планшет, компьютер, телефон). Сбор данных проводился в период с 12-го по 22-е июня 2024 года. Обработка и анализ результатов проводились с помощью программного обеспечения “ATLAS.ti”. Для обработки данных использовалось тематическое кодирование. Авторами были выделены коды, описывающие практики конструирования отчуждения, дисциплинирования; практики преодоления дисциплинирующего воздействия алгоритмов и надзора.

Объектом исследования выступают цифровые практики подростков и молодежи. *Предметом исследования* является цифровое отчуждение и его преодоление, выраженные в цифровых практиках.

Цель исследования: описать конструирование цифрового отчуждения через цифровые практики и техники его преодоления подростками и молодежью.

Задачи исследования:

1. Выделить основные цифровые практики подростков и молодежи, сопряженные с конструированием отчуждения.
2. Проанализировать влияние цифровых интерфейсов и надзора на формируемое отчуждение.
3. Описать практики преодоления цифрового отчуждения и формирования гуманизма подростками и молодежью.

Исходя из изложенных тезисов и построенной теоретической модели, можно сформулировать несколько *гипотез*:

H1: Ведущим механизмом формирования цифрового отчуждения является опосредование и форматирование общения цифровыми интерфейсами и устройствами. Формат общения через цифровые устройства оказывается нестабильным и потому ведет к разрывам в общении.

H2: Устойчивость опосредования общения цифровыми устройствами и интерфейсами происходит из убежденности информантов, что эти устройства и интерфейсы органически облигатны, т. е. столь же необходимы им для общения, как их собственное тело.

H3: Смещение фокуса (отвлечение) от опосредованной цифровыми интерфейсами и устройствами коммуникации способствует преодолению отчуждения.

Практики конструирования цифрового отчуждения

Информанты упоминают несколько инструментов, посредством которых цифровые интерфейсы и устройства органически интегрируются в общение, опосредуя его. Органическая интеграция здесь, по Фуко, означает, что информанты видят эти интерфейсы облигатным элементом для общения, как и интерфейсы собственного тела (речь, глаза и т.д.). Информант НК описывает, что цифровые интерфейсы создали новый формат общения – постоянное соприсутствие людей в коммуникации через возможность в любую минуту отправить сообщение и получить его. Без цифрового интерфейса такое общение невозможно:

> [когда оказываюсь без телефона] некомфортно [...] и все мессенджеры – сообщения от друзей, с которыми ты не хочешь терять связь ни на минуту, и есть такая возможность – всё это в телефоне, и я. конечно, чувствую некомфортно [себя, когда оказываюсь без телефона]. (НК Ж 20)[1]

О таком формате общения пишет и информант РК. Отсутствие мгновенного ответа здесь воспринимается как игнорирование или пренебрежение со стороны другого человека:

1 Здесь и далее информанты закодированы следующим образом: двухбуквенный код информанта, пол, возраст

> Для меня, если мне поступило сообщение, я на него отвечаю [сразу же], и когда мне не ответили в течение некоторого времени – меня прям бесит это! Я думаю, это – быстрее-быстрее-быстрее [...] хотя, может, человеку [которому было отправлено сообщение] вообще все равно. (РК Ж 19)

Формат мгновенного общения – бытия постоянно «на связи» – создает у информантов фрустрирующую иллюзию, что они общаются недостаточно в сравнении со своими знакомыми, о чем рассказывает информант ММ:

> В какой-то момент появляется какой-нибудь гиперактивный человек, [...] например, твоя подруга, у которой [...] миллиард знакомых – она там, тут, она уже тут, [...а ты] только сидишь, думаешь – тебе, наверное, вот этого не хватает – вот этой открытости в общении. (ММ Ж 17)

Это фрустрация усиливается, если информанты отмечают, что в социальных сетях они занимают преимущественно пассивную позицию, только потребляя контент, и не инициируют общение самостоятельно. На это указывали ряд информантов:

> Я очень пассивный пользователь интернета я обычно не пишу людям, на которых я подписана. (ЕБ Ж 18)

> [...] ну я редко, я редко коммуницирую [...] (ВГ Ж 18)

Информантом РК был описан сценарий коммуникации, при котором он вступает в большое число чатов с множеством людей, однако сам в них коммуникацию не инициирует и не считает это важным и приоритетным, используя свой телефон преимущественно для потребления контента:

> Не важно, сколько мне кто написал, скорее [я использую свой телефон] для просмотра контента, для развлечения себя. [...] У меня много чатов, в которых я сейчас состою, и там многие мне пишут, но [...] и без людей, и без вот этих сообщений, в принципе, [мне] абсолютно нормально. (РК Ж 19)

Вторым инструментом органической интеграции оказывается опосредование коммуникации при помощи инструментов, существующих только в цифровом интерфейсе — они позволяют, по мнению информантов, выразить эмоции или переживания, которые нельзя или очень затруднительно выразить иначе. Речь идет о мемах, стикерах и др.:

> У меня есть такая [...] фишка при общении с людьми, [...] меня даже моя одногруппница называет человеком-мемом [...], мне очень нравится [...] под какие-то ситуации искать мемы и скидывать их. То есть, условно, я вспоминаю какой-то мем, забиваю его в поисковике. [...] как бы можно иногда сказать эту фразу [из мема], но в оригинале будет смешнее, либо, может, человек не поймет этого мема, а я так все знаю. (ВК Ж 19)

Некоторым из информантов сложно справляться с темпом и объемом коммуникации, который задается цифровыми интерфейсами, и их фрустрация проявляется в утрате сил и ресурсов для общения. Так об этом рассказывает информант НН:

> Конечно, это [утрата интереса] бывает достаточно часто. И скорее это даже не к какому-то делу, а к общению с некоторыми людьми, хотя они мне ничего плохого не делают. То есть просто я понимаю, что я не могу. Просто не хочу. У меня руки не поднимаются, ничего. (НН Ж 16)

Формирование отчуждения цифровыми интерфейсами и надзором

Информанты прибегают к физиологическим метафорам для описания практик взаимодействия с цифровыми интерфейсами и устройствами. Они сравнивают цифровые практики с курением, а отказ от них вызывает тревогу. Дисциплинирование интерфейсами, отсюда, выступает инструментом биополитики, по Фуко, объектом воздействия которой оказывается тело человека:

> Когда ты не можешь сам себя развлечь, при том что я достаточно нормально сама с собой могу обходиться [...] как курение, наверное, такая привычка. (РК, Ж, 19 лет)

> Если я осталась где-то в незнакомом месте без телефона, то, ну, понятное дело, что будет чувство тревоги [...]. (АМ, Ж, 17 лет)

Некоторые из информантов в том же ключе физиологических метафор пишут про цифровые интерфейсы и практики взаимодействия с ними как о части физиологических привычек. Установка будильника органически связана с засыпанием, а звонок будильника – с пробуждением:

> Именно без мессенджера и там будильников каких-то, функций, которы[е] непосредственно связаны с какими-то даже физиологическими привычками формально просто и какими-то [...] коммуникационными – я правда не смогу. (НК, Ж, 20 дет)

Цифровые интерфейсы интегрируются в офлайн практики информантов. Действия в офлайне начинают казаться неполными и требовать их дополнения через параллельное взаимодействие с цифровыми интерфейсами. Некоторые из информантов указывают, что это позволяет им справиться с негативными переживаниями от проблем с концентрацией внимания:

> Я, вот, люблю параллельно [с использованием цифровых устройств] что-то делать. То есть, если, например, чтобы что-то слушать и понимать, мне надо еще параллельно что-то делать [через цифровые интерфейсы]. (ВГ, Ж, 18 лет)

> Ну, концентрация. Мне кажется, у всех в наше время проблемы с этим. Потому что [...] делаю я домашку, да? А почему бы параллельно не полистать какие-нибудь шортсы [короткие видео] и так далее? (ДА, Ж, 18 лет)

Взаимодействие с устройствами и интерфейсами может занимать гораздо больше времени, чем участники исследования изначально планировали, поскольку некоторые из них утрачивают ощущение времени при взаимодействии с устройствами:

> [Утрата чувства времени началась] Когда я вот училась в школе, то есть чуть больше года назад. [...] Я могла просто прийти домой [...] в 2–3 часа дня, [...]

что-то сесть, ну, втыкать, и такая, – ой, время уже, там, 8–9 вечера. (НН, Ж, 16 лет)

Обращаясь ко второму инструменту формирования отчуждения, надзору: его проявления можно обнаружить в уведомлениях. Речь идет и об уведомлениях, на которые респонденты сами подписывались (как оповещения о выходе видео), и о сгенерированных соцсетями без участия пользователя (например, напоминания, что какой-либо контент-мейкер выложил пост). Информанты по-разному описывают влияние уведомлений. Некоторые упоминают, что уведомления их раздражают – этот тезис будет подробнее раскрыт в следующем параграфе. Некоторые из информантов, наоборот, указывали, что оповещения обладали императивной властью над ними и их вниманием:

Пришло уведомление, я машинально тыкаю на него, даже не осознавая. На той же учёбе, например, сижу: пара, вроде интересно, приходит уведомление, новое видео, тык, всё. Я отключилась от того, что говорит преподаватель. (ДА, Ж, 18 лет)

Саботаж: практики преодоления цифрового отчуждения

Можно обозначить несколько типичных сценариев преодоления отчуждения информантами. Первый из них связан с разрушением контролирующего воздействия уведомлений. Информанты, которые ограничивали уведомления, описывали их как раздражающие и усугубляющие их проблемы с концентрацией внимания. Практики борьбы с уведомлениями варьировались от избирательного отказа от ненужных уведомлений до их полной блокировки. Такие действия были гуманистическими, а объектом гуманизма оказывались сами пользователи — субъекты данных действий.

Я даже уведомления от Телеграма [мессенджер] отключила по той причине, что [...] в какой-то момент я слишком погрузилась в экранчик телефона, и мне нужно было радикально как-то уменьшить экранное время [...] и заходить на те или иные платформы не потому, что пришло уведомление. (ДА, Ж, 18 лет)

У меня только те [уведомления включены], где важные, где с финансами связаны: пополнить – [...] подписка «ВК Музыка» [приложение для прослушивания музыки] – я плачу; еще за «МТС» [оператор мобильной связи] подписку за телефон плачу. Если я соглашусь на уведомления какие-либо левые – я все это потеряю, забуду и сильно расстроюсь. Мне и так тяжело с концентрацией внимания – меня очень это сильно раздражает. (НК, Ж, 20 лет)

В исключительных ситуациях информанты старались физически отстраниться от цифровых устройств, выключали их или отключали уведомления:

Я, когда читаю, я его [телефон] куда-нибудь убираю и ставлю на беззвучный, чтобы он меня не беспокоил. (ВД, Ж, 18 лет)

Менее радикальной стратегией был отказ от использования отдельных приложений. Информант НК не видит иных способов справиться с дисциплинирующим влиянием приложения для просмотра коротких видео:

> С «Клипами» [приложение для просмотра коротких видео] просто [...] пытаюсь не заходить вообще – это единственный вариант, потому что, если ты уже залип [...] Мне тяжело бороться с залипаниями: в «Клипах», в «Шортсах» [приложения для просмотра коротких видео], вот в этих всех коротких видео – это просто надолго для меня [...]. Могу час сидеть, полтора часа сидеть, просто листать – пока они не закончатся. (НК, Ж, 20 лет)

Важно заметить, что приведенные выше практики информанты не применяли по отношению к кому-либо другому, то есть объектом и субъектом гуманистического действия выступали они сами. Некоторые из информантов находят эффективными в преодолении дисциплинирования практики глубокой вовлеченности и погружённости в любимое занятие или живое офлайн общение. В таких ситуациях они ощущают свободу от контроля со стороны цифровых интерфейсов и устройств. В терминологии Фромма погружённость в любимое занятие является, тем самым, гуманистическим действием.

> [Во время] выезд[а] на дачу я вообще забываю о телефоне, потому что у меня есть там работа, у меня есть то дело, которым я занимаюсь, которое мне нравится. (АС, М, 16 лет)

> Если я одна без телефона и вообще никого не знаю тут, [...] тогда, конечно, немного неудобно, некомфортно. Если я с теми же подругами, друзьями в какой-то компании, где мне комфортно, я комфортно себя чувствую. (НН. Ж, 16 лет)

Заключение и дискуссия

Цифровые интерфейсы трансформируют коммуникацию участников исследования. Цифровая коммуникация описывается как процесс непрерывного соприсутствия, информанты могут в любой момент написать своим цифровым визави, а также ждут моментального ответа от них, отсутствие которого они могут воспринять в качестве игнорирования или пренебрежения. Это выводы согласуются с приводимыми тезисами К. Поливановой и Д. Королевой о том, что цифровое и офлайн общение создают непрерывную ткань коммуникации (2016). Такая непрерывность общения создает давление на информантов. Они испытывают усталость из-за сложностей поддержания темпа такого общения, а также фрустрацию из-за того, что не способны поддерживать общение в столь же большом объеме, какой якобы есть у их друзей. Такое опосредованное цифровыми устройствами и интерфейсами общение отчуждает информантов друг от друга. Совокупно это выводы позволяют подтвердить гипотезу H1.

Полезное тело, по Фуко, в соответствии с приведенными результатами исследования и их интерпретацией, конструируется из двух взаимно интегрированных тел цифровых интерфейсов и устройств, а также физического тела информантов. Информанты описывают цифровые интерфейсы как столь же неотъемлемые инструменты для общения, как их собственное тело, обращаясь

к физиологическим метафорам зависимости, тревоги, физиологических привычек, что подтверждает гипотезу H2. Эти результаты могут быть соотнесены с широкой группой работ, обращающихся к концепции киборга для описания и интерпретации практик взаимодействия пользователей, цифровых устройств и интерфейсов, например, в работах В. Сантос и У. Вальдивиесо (2021), С. Ганнаро и Д. Келлнера (2022).

Практики преодоления отчуждения, действительно, оказываются индивидуальными, как на это указывали Д. Иванов и Ю. Асочаков (2023). Информанты не объединяются в борьбе с раздражающими их инструментами контроля в виде оповещений, фрустрирующим высоким темпом общения. Они стараются, что подтверждает гипотезу H3, отдалиться от дисциплинирующего влияния устройства, переключить свое внимание на какое-то внешнее занятие. Тем самым информанты обретают свободу от контролирующих цифровых интерфейсов — состояние гуманизма в терминологии исследования. Однако ввиду отсутствия кооперации между подростками и молодежью в обеспечении свободы, объектом и субъектом гуманистического действия выступает один и тот же человек. Например, информанты никогда не указывали, что отключали уведомления своим друзьям или знакомым, то есть не проявляли к ним гуманизм такого рода.

При сопоставлении полученных результаты с таковыми в работах других авторов заслуживает упоминания исследование А. Нестеровой и Д. Кичман о субкультуре хикикомори. Субкультура представлена преимущественно подростками и молодежью, испытывающими глубокое чувство отчуждения от физического мира; общение представителей данной субкультуры практически полностью происходит в цифровом пространстве. Авторы оценивают численность субкультуры в 2% от общей численности молодежи. Показатели уровня отчуждения данной группы по методике измерения отчуждения Е. Осина по всем субшкалам (от себя, от общества, от семьи, от работы, от людей) практически двухактно превышают таковые для контрольной группы при уровне статистической значимости $p<0,05$ (Нестерова & Кичман, 2022). Схожие данные о распространённости приводятся (2%) и в работе Я. Лякиной, А. Федорова, А. Тео. В студенческой среде, отмечает авторы, такая крайняя степень отчужденности может наблюдаться у 20% генеральной совокупности (2023, с. 260). В исследовании С. Васюра и Д. Бяковой доля студентов с выраженной отчужденностью составила около 33%. Уровень отчуждения в данной группе оказался на 3 пункта выше (7,54 против 10,44) при $p<0,001$ (2024, с. 8). Таким образом, можно ожидать, что выраженность описываемых в данной статье явлений в крайних формах может быть у 2-20% молодежи, а в умеренных — у около 30%.

Заслуживает внимания сопоставление этих данных с зарубежными исследованиями. А. Атароди с соавторами приводят данные о зависимости использования мобильных телефонов и уровне социального отчуждения.

Они обнаруживают, что «коэффициент корреляции между зависимостью от мобильных устройств и социальным отчуждением студентов составил 0,65», что позволяет говорить о значительном вкладе цифрового общения в переживаемое отчуждение (Atarodi, Rajabi & Atarodi, 2020, с. 4). С. Сарвоно с соавторами измеряют отчуждение студентов в Индонезии, опираясь на феноменологический подход в методологии. Они выявляют, что использование цифровых интерфейсов в образовании приводит к накапливающемуся чувству фрустрации, которое в дальнейшем формирует стойкое отчуждение от процесса образования и, в конечном итоге, отчуждение от преподавателей и коллег-студентов (Sarwono, Sudarmiani & Nugraha 2022). Г. Зилка приходит к противоположным результатам о взаимосвязи цифрового общения и переживаемого отчуждения подростками-мигрантами в Израиле. Цифровое общение оказывается фактором, которое, наоборот, снижает уровень отчуждения (2021). Можно ожидать, что анализируемые в нашем исследовании взаимосвязи будут устойчивыми для разных культур, однако кейс Израиля демонстрирует, что точнее на это можно будет указать по итогам межстранового сравнительного исследования.

Ограничения исследования и направления дальнейшей работы

Среди ограничений важно упомянуть связанные с выборочной совокупностью. В число информантов не вошли подростки и молодежь, проживающие в других регионах России (кроме Санкт-Петербурга и Ленинградской области), подростки младше 14 лет, а также были недостаточно представлены информанты мужского пола. В дальнейших исследованиях видится важным учитывать при формировании выборочной совокупности материальный достаток семьи информантов, населенный пункт проживания.

Ограничения также накладывает теоретическая рамка анализа проблемы, поскольку в ней не рассмотрены в должной мере ситуации повседневного взаимодействия, которые можно встретить в работах по фрейм-анализу (Andersson, 2022) или символическому интеракционизму (Ictech II, 2014).

Качественный дизайн исследования не позволяет оценить количественную распространенность обнаруживаемых явлений и закономерностей. Очевидно, что общение посредством цифровых интерфейсов находят фрустрирующим не все подростки и представители молодежи, однако оценка масштабов данного явления может быть произведена через привлечение количественной методологии с использованием валидированных шкал оценки фрустрации и отчуждения человека от человека, что и может стать направлением для дальнейшей работы.

Заслуживает внимания упомянутый в литературном обзоре надзор пользователей друг за другом как инструмент контроля и формирования отчуждения. Как пишет З. Бауман, в современном цифровом обществе надзор всех

за всеми оказывается одним из ведущих факторов развития отчуждения. Интересным, отсюда, видится рассмотреть это явление применительно к подросткам и молодежи и их использованию цифровых интерфейсов.

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на вебсайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Ткач С. — введение, обзор литературы, посвященной концепту отчуждения в критической теории, теории цифрового отчуждения, кодирование транскриптов интервью, интерпретация результатов, дискуссия.

Нечаева В. В. — обзор литературы о теории дисциплинирования, интерпретация результатов в призме теории дисциплинирования, сбор, транскрипция и кодирование результатов

Ульбашева Д. В. — обзор литературы о теории дисциплинирования, интерпретация результатов в призме теории дисциплинирования, сбор, транскрипция и кодирование результатов.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 24-28-01563, https://rscf.ru/project/24-28-01563/.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Andersson, C. (2022). Smartphones and online search: Shifting frames in the everyday life of young people. *Information and Learning Sciences*, 123(7/8), 351–370. https://doi.org/10.1108/ILS-03-2022-0025

Aron, R. (1955). Workers, Proletarians, and Intellectuals. *Diogenes*, 3(10), 31–46. https://doi.org/10.1177/039219215500301003

Atarodi, A., Rajabi, M., & Atarodi, A. (2020). Cell Phone Use and Social Alienation of Young Teenagers. *Library Philosophy and Practice (e-Journal)*, 1–11.

Bauman, Z., & Lyon, D. (2013). *Liquid Surveillance: A Conversation*. John Wiley & Sons.

Bridgman, P. W. (n.d.). *The Logic of Modern Physics*.

Capodivacca, S., & Giacomini, G. (2024). Discipline and Power in the Digital Age: Critical Reflections from Foucault's Thought. *Foucault Studies*, 36(1), 227–251. https://doi.org/10.22439/fs.i36.7215

Dos Santos, V., Valdivieso, H., & Philosophy Documentation Center. (2021). The Contemporary Cyborg: A Semiotic Approach to Digital Hybridization. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(2), 195–207. https://doi.org/10.5840/techne202167141

Gennaro, S., & Kellner, D. (2022). Digital Culture, Media, and the Challenges of Contemporary Cyborg Youth. In M. A. Peters, P. Jandrić, & S. Hayes (Eds.), *Bioinformational Philosophy and Postdigital Knowledge Ecologies* (pp. 223–235). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-95006-4_12

Ictech II, O. B. (2014). *Smartphones and Face-to-Face Interactions: Extending Goffman to 21st century conversation* [Master Thesis]. University of New Orleans.

Kluge, A., & Negt, O. (2016). *Geschichte und eigensinn [History and Obstinacy]*. Steidl. (In German).

Langston, R. (2008). The Work of Art as Theory of Work: Relationality in the Works of Weiss and Negt & Kluge. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*, 83(3), 195–216. https://doi.org/10.3200/GERR.83.3.195-216

Lessing, A. (1967). Marxist Existentialism. *The Review of Metaphysics*, 20(3), 461–482.

Musto, M. (2010). Revisiting Marx's Concept of Alienation. *Socialism and Democracy*, 24(3), 79–101. https://doi.org/10.1080/08854300.2010.544075

Negt, O., & Kluge, A. (1993). *Public sphere and experience: Toward an analysis of the bourgeois and proletarian public sphere*. University of Minnesota Press.

Sarfraz, H. (1997). Alienation: A theoretical overview. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 12(1–2), 45–62.

Sarwono, S., Sudarmiani, S., & Nugraha, N. (2022). Students' Alienation in OnlineLearning: A Phenomenological Study in Sociology Subject. *AL-ISHLAH: Jurnal Pendidikan*, 14(4), 4907-4918. https://doi.org/10.35445/alishlah.v14i4.2019

Zilka, G. C. (2021). Feelings of belonging or alienation and social emotional perceptions of immigrant youths in the digital age, in comparison with native-born youths. *Education and Information Technologies*, 26(2), 1937–1954. https://doi.org/10.1007/s10639-020-10333-x

Ахметзянова, М. П. (2018). Анализ феномена отчуждения в творчестве К. Маркса. *Вестник Челябинского государственного университета*, 5, 62–65.

Бахитов, С. Б. (2013). Отчуждение труда и развитие образования в США XIX века в свете марксистской и веберовской концепций. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 9, 297–303.

Беликов, В. А., Романов, П. Ю., Леушканова, О. Ю., & Васева, Н. С. (2022). Анализ проблемы десоциализации личности подростков под воздействием социальных сетей, содержащих контент деструктивного характера. *Перспективы науки и образования*, 57(3), 372–385. https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.21

Беспечанский, Ю. В. (2013). Экзистенциализм Ж.-П. Сартра и экзистенция М. Хайдеггера: Два представления о гуманизме в европейской философии XX века. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 13(2), 154–157.

Васюра, С. А., & Бякова, Д. Ю. (2024). Взаимосвязь переживания одиночества и макиавеллизма социально фрустрированных студентов. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 3, 5–14. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.3.5-14

Вербилович, О. (2013). Теория коммуникативного действия: Ключевые категории и познавательный потенциал. В *Публичная сфера: Теория, методология, кейс-стади* (сс. 35–52). ООО «Вариант», ЦСПГИ.

Веселов, Ю. В., & Скворцов, Н. Г. (2021). Доверие в эпоху цифровых трансформаций: Опыт социологического исследования. *Социологические исследования*, 6, 57–68. https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4

Дудник, С. И. (2020). Отчуждение в цифровом обществе. *Вопросы философии*, 3, 17–20. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-17-20

Жулего, В. Г., Балякин, А. А., Нурбина, М. В., & Тараненко, С. Б. (2019). Цифровизация общества: Новые вызовы в социальной сфере. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, 2(9), 36–43. https://doi.org/10.17513/vaael.718

Иванов, Д. В. (2023). Критическая теория цифровизации: Господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3), 7–35. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1

Иванов, Д. В., & Асочаков, Ю. В. (2023). Цифровизация и критическая теория общества. *Социологические исследования*, 6, 16–28. https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0

Ильенков, Э. В. (1984). *Диалектическая логика*. Политиздат.

Кравченко, К. А. (2021). Биополитические основания цифрового субъекта. *Инновации. Наука. Образование*, 38, 1144–1147.

Лешкевич, Т. Г. (2019). Феномен цифрового отчуждения. *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. Труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород*, 2019, 137–139. https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051

Лякина, Я. С., Федоров, А. А., & Тео, А. Р. (2023). Валидизация и опыт применения русскоязычной версии опросника хикикомори (HQ-25). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(2), 257–281. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-257-281

Маркс, К. (1894). *Наемный труд и капитал*. Типография «Социал-демократической библиотеки».

Маркс, К. (2023). *Экономическо-философские рукописи 1844 г.* Litres.

Маркс, К., & Энгельс, Ф. (1960). *Сочинения* (2-е изд., Т. 23). Политиздат.

Маркузе, Г. (2003). *Одномерный человек*. АСТ.

Микиртумов, И. Б. (2022). Время труда и время досуга: Отчуждение в эпоху цифровизации. *Stasis*, 10(1), 38–76.

Молодцова, Т. Д., & Шалова, С. Ю. (2019). Влияние отчуждения подростков на возникновение их социальной дезадаптации. *Проблемы современного педагогического образования*, 63–3, 294–297.

Нарвский, И. С. (1983). *Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса*. Мысль.

Нестерова, А. А., & Кичман, Д. Н. (2022). Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори). *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, 2, 117–134. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-2-117-134

Ойзерман, Т. И. (1965). *Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме*. Знание.

Платонова, С. И. (2022). Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 4, 81–91. https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-4-81-91

Поливанова, К. Н., & Королева, Д. О. (2016). Социальные сети как новая практика развития городских подростков. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, 1, 173–182.

Солдатова, Г., Нестик, Т., & Рассказова, Е. (2018). *Цифровое поколение России: Компетентность и безопасность*. Смысл.

Топильская, О. А. (2010). Отчуждение как предпосылка делинквентного поведения подростков. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4, 151–156.

Труфанова, Е. О. (2024). Субъект: Вызовы цифровизации. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 215–234. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525

Фромм, Э. (1992). *Душа человека*. Республика.

Фромм, Э. (2019). *Здоровое общество*. АСТ.

Фуко, М. (2013). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Ad Marginem.

Шайгерова, Л. А., Шилко, Р. С., & Ваханцева, О. В. (2022). Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: Перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 73–107. https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04

Шетулова, Е. Д. (2013). Исследование отчуждения в постсоветской философии: Когнитивные стратегии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4, 162–166.

References

Akhmetzyanova, M. P. (2018). Analysis of the Phenomenon of Selection in the Creativity of K. Marx. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 5, 62–65. (In Russian).

Andersson, C. (2022). Smartphones and online search: Shifting frames in the everyday life of young people. *Information and Learning Sciences*, 123(7/8), 351–370. https://doi.org/10.1108/ILS-03-2022-0025

Aron, R. (1955). Workers, Proletarians, and Intellectuals. *Diogenes*, 3(10), 31–46. https://doi.org/10.1177/039219215500301003

Atarodi, A., Rajabi, M., & Atarodi, A. (2020). Cell Phone Use and Social Alienation of Young Teenagers. *Library Philosophy and Practice (e-Journal)*, 1–11.

Bakhitov, S. B. (2013). Estrangement of Labour and Development of Education in USA in the 19th Century in the Context of Marxian and Weberian Conceptions. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 9, 297–303. (In Russian).

Bauman, Z., & Lyon, D. (2013). *Liquid Surveillance: A Conversation*. John Wiley & Sons.

Belikov, V. A., Romanov, P. Yu., Leushkanova, O. Yu., & Vaseva, N. S. (2022). The analysis of the problem of personality desocialization teenagers under the influence of social networks containing destructive content. *Perspectives of Science and Education*, 57(3), 372–385. https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.21 (In Russian).

Bespechansky, Yu. V. (2013). The Existentialism of J.-P. Sartre and the Existenz of M. Heidegger: Two Conceptions of Humanism in European Philosophy of 20th century. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*, 13(2), 154–157. (In Russian).

Bridgman, P. W. (n.d.). *The Logic of Modern Physics*.

Capodivacca, S., & Giacomini, G. (2024). Discipline and Power in the Digital Age: Critical Reflections from Foucault's Thought. *Foucault Studies*, 36(1), 227–251. https://doi.org/10.22439/fs.i36.7215

Dos Santos, V., Valdivieso, H., & Philosophy Documentation Center. (2021). The Contemporary Cyborg: A Semiotic Approach to Digital Hybridization. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(2), 195–207. https://doi.org/10.5840/techne202167141

Dudnic, S. I. (2020). Alienation in Digital Society. *Voprosy Filosofii*, 3, 17–20. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-17-20 (In Russian).

Foucault, M. (2013). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Ad Marginem. (In Russian).

Fromm, E. (1992). *The Heart of Man*. Respublika. (In Russian).

Fromm, E. (2019). *The Sane Society*. AST. (In Russian).

Gennaro, S., & Kellner, D. (2022). Digital Culture, Media, and the Challenges of Contemporary Cyborg Youth. In M. A. Peters, P. Jandrić, & S. Hayes (Eds.), *Bioinformational Philosophy and Postdigital Knowledge Ecologies* (pp. 223–235). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-95006-4_12

Ictech II, O. B. (2014). *Smartphones and Face-to-Face Interactions: Extending Goffman to 21st century conversation* [Master Thesis]. University of New Orleans.

Ilyenkov, E. V. (1984). *Dialectical Logic*. Politizdat. (In Russian).

Ivanov, D. V. (2023). Critical Theory of Digitalization: Algorithmic Rationality Domination and Authenticity Revolt. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii (The Journal of Sociology and Social Anthropology)*, 26(3), 7–35. https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.1 (In Russian).

Ivanov, D. V., & Asochakov, Yu. V. (2023). Digitalization and Critical Theory of Society. Sotsiologicheskie issledovaniya, 6, 16–28. https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0 (In Russian).

Kluge, A., & Negt, O. (2016). *Geschichte und eigensinn [History and Obstinacy]*. Steidl. (In German).

Kravchenko, K. A. (2021). Biopolitical foundations of the digital subject. *Innovation. Science. Education*, 38, 1144–1147. (In Russian).

Lakina, Y. S., Fedorov, A. A., & Teo, A. R. (2023). Validation and application practice of the Russian-language version of the 25-item Hikikomori Questionnaire (HQ-25). *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(2), 257–281. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-257-281 (In Russian).

Langston, R. (2008). The Work of Art as Theory of Work: Relationality in the Works of Weiss and Negt & Kluge. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*, 83(3), 195–216. https://doi.org/10.3200/GERR.83.3.195-216

Leshkevich, T. G, (2019). The Phenomenon of Digital Alienation. *Revolution and Evolution: Models of Development in Science, Culture, and Society. Proceedings of the Second All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod*, 2019, 137–139. https://doi.org/10.24411/9999-036A-2019-00051 (In Russian).

Lessing, A. (1967). Marxist Existentialism. *The Review of Metaphysics*, 20(3), 461–482.

Marcuse, H. (2003). *One-Dimensional Man*. AST. (In Russian).

Marx, K (2023). *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*. Litres. (In Russian).

Marx, K, & Engels, F. (1960). *Essays* (2nd ed., Vol. 23). Politizdat. (In Russian).

Marx, K. (1894). *Wage Labour and Capital*. The printing house of the Social Democratic Library. (In Russian).

Mikirtumov, I. B. (2022). The Time of Work and the Time of Leisure: Alienation in the Era of Digitalization. *Stasis*, 10(1), 38–76. (In Russian).

Molodtsova, T. D., & Shalova, S. Yu. (2019). Impact of Alienation of Teenagers on Emergence of their Social Disadaptation. *Problemi sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 63–3, 294–297. (In Russian).

Musto, M. (2010). Revisiting Marx's Concept of Alienation. *Socialism and Democracy*, 24(3), 79–101. https://doi.org/10.1080/08854300.2010.544075

Narvsky, I. S. (1983). *Alienation and Labor: Through the Pages of Karl Marx's Works*. Mysl. (In Russian).

Negt, O., & Kluge, A. (1993). *Public sphere and experience: Toward an analysis of the bourgeois and proletarian public sphere*. University of Minnesota Press.

Nesterova, A. A., & Kichman, D. N. (2022). Personal Characteristics of People in a State of Acute Social Self-Isolation (Hikikomori). *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 117–134. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2022-2-117-134 (In Russian).

Ozerman, T. I. (1965). *The Problem of Alienation and the Bourgeois Legend of Marxism*. Znanie. (In Russian).

Platonova, S. I. (2022). Big Data and the Organization of Social Control in the Digital Society. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 4, 81–91. https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-4-81-91 (In Russian).

Polivanova, K. N., & Koroleva, D. O. (2016). Social Networks and their Influence on Russian Adolescents. *Bulletin Russian Foundation for the Humanities*, 1, 173–182. (In Russian).

Sarfraz, H. (1997). Alienation: A theoretical overview. *Pakistan Journal of Psychological Research*, 12(1–2), 45–62.

Sarwono, S., Sudarmiani, S., & Nugraha, N. (2022). Students' Alienation in OnlineLearning: A Phenomenological Study in Sociology Subject. *AL-ISHLAH: Jurnal Pendidikan*, 14(4), 4907-4918. https://doi.org/10.35445/alishlah.v14i4.2019

Shaygerova, L. A., Shilko, R. S., & Vakhanetsva, O. V. (2022). Cultural Mediation of the Identity of the Digital Generation: Perspectives on the Analysis of Internet Activity and Social Media. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 73–107. https://doi.org/10.11621/vsp.2022.02.04 (In Russian).

Shetulova, E. D. (2013). The Study of Alienation in the Post-Soviet Philosophy: Cognitive Strategies. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 4, 162–166. (In Russian).

Soldatova, G., Nestik, T., & Rasskazova, E. (2018). *Russia's Digital Generation: Competence and Security*. Smysl. (In Russian).

Topilskaya, O. A. (2010). Alienation as a Reason of Teenagers' Delinquent Behavior. *Tambov University Review: Series Humanities*, 4, 151–156. (In Russian).

Trufanova, E. O. (2024). The Subject: Challenges of the Digital. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 215–234. https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525 (In Russian).

Vasyura, S. A., & Byakova, D. Yu. (2024). Correlation between Experiencing Loneliness and Machiavellianism by Students with Social Frustration. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 3, 5–14. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.3.5-14 (In Russian).

Verbilovich, O. (2013). Theory of Communicative Action: Key Categories and Cognitive Potential. In *Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies* (pp. 35–52). Variant LLC, CSPGI. (In Russian).

Veselov, Y. V., & Skvortsov, N. (2021). Trust in the Age of Digital Transformations: A Sociological Study. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 6, 57–68. https://doi.org/10.31857/S013216250012556-4 (In Russian).

Zhulego, V. G., Balyakin, A. A., Nurbina, M. V., & Taranenko, S. B. (2019). Digitalization of the Society: New Challenges in Social Sphere. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 2(9), 36–43. https://doi.org/10.17513/vaael.718 (In Russian).

Zilka, G. C. (2021). Feelings of belonging or alienation and social emotional perceptions of immigrant youths in the digital age, in comparison with native-born youths. *Education and Information Technologies*, 26(2), 1937–1954. https://doi.org/10.1007/s10639-020-10333-x